

А.А. Пископнель

ПРОБЛЕМА ИНТЕГРАЦИИ ПСИХОЛОГИИ: МЕТОД И ПОДХОД

Метод, характеризуемый через категорию знания, – это всегда рефлексивное знание. В случае смещения интереса от уровня психологии как научного предмета к уровню психологии как сферы проблема интеграции может и должна обсуждаться уже не только и столько на уровне и в отношении метода, сколько подхода. Речь идет об изменении категориального контекста, категориальных средств рассмотрения. Проблема интеграции в этом случае выступает как проблема самоорганизации сферы психологии, психологической работы. А в этом случае на первом плане оказываются не проблемы объектно-ориентированного метода исследования или даже практико-предметного преобразования объекта (психики), а проблемы взаимопонимания и рефлексии, взаимоотношения мышления, коммуникации и действенности в процессе кооперированной работы. Пример психологического подхода – традиционный психологизм. Проект и замысел интегративной психологии может быть понят и истолкован как замысел создания на основе психологизма традиционного нового психологизма, способного взять на себя функцию интеграции не других сфер мышления и деятельности, а самой психологии.

Ключевые слова: интегративная психология, теоретическая психология, практическая психология, рефлексивное знание, реальность, действительность, культура, метод, подход, психологизм.

Метод и предмет – две стороны одной медали. Поэтому требование обосновать и продемонстрировать качественное своеобразие своих *предмета* и *метода* – это первое методологическое требование к любой дисциплине, претендующей на свое особое и обособленное, самостоятельное место в общей системе современного знания. Для психологии это требование не пустой звук, поскольку ее пытались «приватизировать» в разное время и теология, и философия, и биология, и социология, и педагогика в тех или иных своих ипостасях. В конечном итоге, сохранением не столько даже де-юре, сколько де-факто самостоятельности она обязана даже не себе самой, а тому обстоятельству, что она была (а в известной степени остается и до сих пор) полем их борьбы за утверждение над ней своего суверенитета. Именно поэтому перманентное обсуждение проблем имманентного предмета и метода – неперемнная особенность жизнедеятельности психологического сообщества.

I

Понятие и проблема *метода* (теоретического его воспроизведения и освоения мыслящим сознанием) обсуждалось и разрабатывалось, прежде всего, в русле методологии научного познания, традиционно рекомендуемой в качестве «теории методов», и в рамках собственно философского знания в той мере, в какой оно выполняло методологические функции. Непосредственный интерес к собственному методу всегда составлял отличительную черту философской мысли (разумного мышления), которая, согласно Г.В.Ф. Гегелю, «не может исходить из предпосылки... что ее метод познания заранее определен в отношении исходного пункта и дальнейшего развития» [3, с. 84].

Линия философской методологии играла различную роль в каждом из отдельных периодов исторического развития мировой философской мысли. Особенно значительной она становилась в поворотные, ключевые моменты общественно-политического и культурного развития общества. Хорошо

известно, например, что так было в Новое время, когда в борьбе со средневековой схоластикой рождались два основных течения новоевропейской философии — эмпиризм (Ф. Бэкон) и рационализм (Р. Декарт). Разрыв с господствующей философской традицией произошел тогда прежде всего по линии метода. «Новый органон» Ф. Бэкона и «Правила для руководства ума» Р. Декарта — работы методологические и по своим целям, и по основным идеям.

Не менее хорошо известно, какую роль сыграло принципиальное обоснование философского метода в немецкой классической философии от Канта с его «критическим методом» до диалектики Гегеля.

Тем не менее и для этого должны были быть основательные причины. Практически ни в одной из классических философских систем методология в качестве «учения о методе» не была выделена в качестве относительно самостоятельного предмета и раздела философской науки. Если, конечно, не считать таковыми попытки ее истолкования как части «системы логики» (учения о логических методах) в духе Дж.С. Милля и Х. Зигварта. Можно лишь различать и выявлять объективно-методологическую направленность в тех или иных философских системах, начиная с античных. Так, анализ работ Аристотеля показывает, что первые формально-логические принципы и положения, составившие важнейшую часть «Органона», первоначально были предписаниями для построения процедур деятельности со знаковыми выражениями¹.

¹«Выделение “собственного” предмета логики произошло значительно позднее у последователей Аристотеля, так называемых “перипатетиков” — Александра Афродизского и др.; оно было обусловлено в первую очередь превращением аристотелевских правил-предписаний в знания — схемы-изображения силлогистических умозаключений» (см. [20, с. 232]).

Характерно, что З.Н. Микеладзе предлагает считать отцом методологии Аристотеля на том основании, что он сделал в «Топике» предметом анализа и схематизации диалектику Платона [11, с. 595].

Такая направленность на выработку положений, которые могли бы в рамках познавательной деятельности выполнять *регулятивную* роль, позволяя выбирать средства и строить те или иные познавательные процедуры, позволяющие решать возникающие в процессе исследовательской деятельности проблемы и задачи, и есть отличительная черта методологии и методологической работы.

Самостоятельность методологии непосредственно зависела от выделения специфического объекта и предмета изучения — такова была уже сложившаяся классическая традиция. Только в этом случае методологические предписания могли подтверждаться или опровергаться методологическими знаниями, а последние быть основаниями для создания продуктивных регулятивов познавательной деятельности. Неудачи в деле создания такого специализированного объекта-предмета приводили к тому, что в его роли выступали различные философские науки: логика, метафизика, гносеология, натурфилософия и т.д., а чаще всего — те или иные формы сочетания отдельных научно-теоретических положений разных дисциплин.

Именно на такой, чаще всего эклектической, основе складывались в истории науки «частные методологии», т.е. методологии науки вообще и методологии отдельных научных дисциплин (математики, физики, химии и т.д.). Эти частные методологии были тесно связаны с историей каждой из наук и сосредоточивали, как правило, свои усилия на анализе генезиса тех или иных научных понятий. Такая эмпирическая методология позволяла объяснять происхождение и развитие отдельных понятий, но не позволяла перейти от понятий, описывающих конкретную научную теорию, к структуре научной теории как таковой и структуре понятий разной степени общности, характерных для разных этапов развития научного познания.

Начиная со средних веков, с Абельяра и Декарта утверждается взгляд, что объектом методологии, который должен быть воспроизведен в системе методологических знаний, является *мышление* (прежде всего научное мышление) как особая субстанция.

С этого времени «история методологических исследований XVII–XIX столетий — это история непрерывных колебаний между внешне-объектным и субъективно-психологическим пониманием мышления, история непрерывных смещений того и другого и попыток развести и разделить их... Направления логического и психологического анализа образуют полярные линии в разработке теории метода, а «теории познания» и «частные методологии» составляют как бы середину созданного ими угла. Начиная с Декарта и до наших дней, все работы по «теории познания» ... представляют собой смесь логических и психологических представлений, втиснутых в схему взаимодействия субъекта и объекта» [20, с. 233–240].

Диапазон истолкования категориального содержания этого понятия в значительной степени определялся характером тех задач, которые ставились перед «учением о методе», т.е. в конечном счете особенностями трактовки самой методологии и природы методологического знания. Среди исторически бытующих взглядов на методологию есть место и узкопредметным, и натурфилософским, и гносеологическим; они простираются от логико-технических (Х. Зигварт с его «учением о методе») до теоретико-деятельностных (СМД-методология Г. Щедровицкого).

Теоретико-деятельностная точка зрения органично вырастает из гносеологического взгляда на методологию, разделяя с ним деятельностную ориентацию и преодолевая его ограниченность за счет ассимиляции наряду с познавательной-объяснительной (созерцательной) и преобразовательной-продуктивной (практической)

установки в отношении деятельности. В ее рамках понятие метода — одно из составляющих системы понятий, эксплицирующих (раскрывающих) понятие мыследеятельности, характеризующее мыследеятельность и деятельность в их целостности и соцелостности. Методическая целостность здесь условие процессуальной целостности (непрерывности), гарантирующей превращение (движение) налично данного в целеопределенное. Тем самым методическая целостность выступает в качестве необходимой и дополнительной для целостности телеологической.

К такому истолкованию понятия метода восходит традиционное его понимание как «пути» достижения поставленной цели (мышления, познания, практики и т.п.), обеспечивающего воспроизведение действительного содержания деятельности². В этом случае методический «путь» (целостность) может быть рассмотрен как канал воспроизводства в контексте организации деятельности. А это значит, что генетически первичная форма метода связана с возможностями использования уже осуществленного (завершенного) акта в качестве средства организации осуществляемого (текущего) акта деятельности.

На этой стадии метод существует только в виде *методической функции и отношения* устанавливаемого между этими двумя актами («в себе»). Понятно, что далеко не каждый эмпирический акт имеет шанс на приобретение культурного смысла и значения, а только продуктивный (успешный), обеспечивший в конкретной ситуации достижение цели и тем самым проложивший к ней «путь».

² Так, для Гегеля «только метод в состоянии обуздывать мысль, вести ее к предмету и удерживать в нем. Впоследствии обнаруживается, что такой методический путь сам есть не что иное, как воспроизведение того абсолютного содержания, от которого мысль сначала порывалась уйти и уходила, но это воспроизведение в глубочайшей, свободнейшей стихии духа» [3, с. 57].

Это обстоятельство отражено и закреплено в представлении, согласно которому метод «может быть понят как особый тип деятельности, осуществляющий определенную цель, адекватный своему объекту» [12, с. 9], или шире, как сама «форма практического и теоретического освоения действительности» [9, с. 409].

Однако наряду с воспроизведением существенной стороны деятельности (ее действительного содержания) для такой формы методической организации неизбежно и тиражирование несущественных, случайных ее моментов, всецело обусловленных особенностями конкретной текущей ситуации. Более того, само выполнение методической функции в этих условиях становится зависимым от внешних содержанию деятельности обстоятельств. Такая ограниченность — неизбежное следствие *непосредственности* методического отношения между актами деятельности, лишенного общезначимой формы регулирования и контроля. Соответственно, преодоление подобной ограниченности требует рефлексивного выделения и оформления самого воспроизводимого содержания деятельности и тем самым опосредования этого отношения.

Методическая рефлексия, опредмечивая метод, создает предпосылки для формирования собственно *методической действительности*. В ее рамках результаты методической рефлексии над актами *продуктивной деятельности* становятся только моментами целенаправленного создания и развития метода, а тем самым и деятельности в целом (предельным выражением этой тенденции и является собственно методология). Связано это с тем обстоятельством, что линия развития метода обладает только относительной (функциональной) самостоятельностью, подчиненной развитию деятельности в целом. Само же это развитие в значительной степени опосредовано отношениями и связями

рефлексивного отображения содержания одних *организованностей* деятельности в других, входящих в целостность деятельности [18].

В методологии научного познания, например, основное внимание уделяется соотношению метода и теории и специально подчеркивается, что «метод и теория науки не представляют собой два совершенно независимых объекта» [12, с. 20], т.к. «в реальном процессе познания преодолевается грань между его средствами и его результатами, между теорией и методом» [9, с. 410]. Это обстоятельство зачастую используется для характеристики собственно научного метода, и тогда он рекомендуется как путь познания, опирающийся на некоторую совокупность ранее полученных общих знаний (принципов) (А.М. Мостепаненко) или даже как тип отношений элементов научного знания (В.И. Бораз). Но если характеризовать метод через категорию знания, то это всегда рефлексивное знание³.

Отмеченное обстоятельство не отменяет самостоятельного, отдельного от акта деятельности существования метода (существования «для другого») и внешней его выраженности. Обособление метода, его объективация и закрепление в определенной содержательно-семиотической форме (правил, принципов, схем и т.д.) становится предпосылкой его трансляции и реализации в многочисленных новых актах деятельности, тем самым обеспечивая ее единство и непрерывность. Другими словами, метод выступает здесь в качестве *нормы*, ответственной за передачу «опыта» деятельности, сохранение ее общезначимого характера и, следовательно, подлинности.

³ Так, уже у Спинозы «метод не есть само умопостижение, направленное к пониманию причин вещей... метод есть не что иное, как рефлексивное познание (cognito reflexiva) или идея идеи» [16, с. 331].

На таком истолковании содержания понятия метода настаивал уже Спиноза, для которого предназначение метода — «обуздывать дух, чтобы он сообразно с указанием нормы понимал все, что подлежит пониманию, передавая ему как вспоможение надлежащие правила и также содействуя тому, чтобы дух не изнурился без пользы» [16, с. 331]⁴.

В условиях непосредственного управления методической функции рефлексия только оформляет и завершает актуальное протекание деятельности. Одним из центральных моментов становления любой деятельности, в том числе методической, является формирование проблематики. Центр ее тяжести лежит там, где складываются новые формы научно-познавательной или практико-преобразовательной деятельности, требующие соответствующих их духу форм методического обеспечения, т.е. там где необходима разработка новых средств и методов.

Таким образом, метод как особое содержание «опыта» деятельности не просто «путь», а «путь» культурно-нормативно оформленный и представленный в виде образца. Естественно, для разных «путей» и методы (т.е. канонизированные и культурно-закрепленные ориентиры, направляющие по тому или иному пути) должны быть различны. А разница путей — это прежде всего разница пунктов назначения, куда ведут те или иные пути⁵. Каковы же эти пункты назначения

у психологии как деятельности, работы особого рода?

II

Европейская психология, ведущая свою родословную от аристотелева трактата «О душе», на протяжении своей долгой истории не один раз переживала периоды, когда радикально изменялись (и продолжают изменяться) традиционные отношения между философией и наукой, теорией и практикой, наукой и техникой, между естественными и социогуманитарными дисциплинами.

В ходе современной научно-технической революции происходит новая конвергенция стилей и способов мышления, идеалов и норм гуманитарного, естественно-научного и технического знания в значительной степени в условиях все более активного вовлечения научного знания, науки в процесс материального производства, ее непосредственного участия в народно-хозяйственной жизни экономически развитых и развивающихся стран.

Новые условия вызвали к жизни и новые формы, в которые «отливаются» в процессе обособления вновь появляющиеся психологические дисциплины, и новые механизмы их социально-организационного и предметно-теоретического функционирования и развития. А поиски законосообразного механизма их оформления и желание упорядочить их отношения между собой давно осмысляются в качестве попыток разрешения перманентного кризиса психологии как единства и целостности.

Подчеркивая это обстоятельство, современные логика и методология науки, науковедение понимают и именуют новые дисциплины «неклассическими» или «нетрадиционными», усматривая в них черты, отличающие новое их поколение от «традиционных» или «классических» научно-технических

⁴ Для теоретико-деятельностной методологии именно нормативность (окультуренность) стала категориальным содержанием понятия метода [20]. В этом случае своеобразность методической нормы усматривается в том, что она является *нормой процесса* деятельности, рефлексивно воспроизводящей и конституирующей *порядковую схему (действий) идеализированной процессуальности деятельности*.

⁵ Ср. например: «Метод — значит путь, мы понимаем его как средство познания; но путь во всех точках определен целью, куда он ведет» [2, с. 388].

дисциплин. Одной из важнейших предпосылок становления «неклассических» дисциплин стало изменение места и значения в них собственно методологических исследований и разработок, т.е. метапредметных составляющих, обеспечивающих включение таких дисциплин как в междисциплинарный, так и в собственно социокультурный контекст. Если методологическая организация «классических» дисциплин — процесс эпизодический, приобретающий решающее значение лишь в отдельные, исторически переломные моменты их существования (периоды «научных революций»), то для дисциплин «неклассических» она стала постоянным условием и постоянно действующим фактором их существования и развития [14].

Современное обсуждение темы «Интегративная психология и метод», при всех различиях и в способах проблематизации существующего «положения дел в психологии», и в направлении поисков живительного источника ее обновления, это фактически попытка на новом этапе разрешить или найти выход из исторического кризиса психологии, смысл которой легко уловить даже из самого ее именованья. Поскольку нужда в *интегративной* психологии как направлении, цели и символе появляется в ситуации *дезинтегрированности*, фрагментарности — застарелой «болезни», с которой психология давно сжилась и которая беспокоит ее лишь время от времени, в периоды обострения.

Поэтому, довольно естественно и неизбежно у всякого, так или иначе интересующегося не только психологическими проблемами, но и проблемами самой психологии, возникает потребность обратиться к самой, наверно, фундаментальной в отечественной психологии методологической работе, написанной на эту тему давным-давно Л.С. Выготским —

«Исторический смысл психологического кризиса»⁶. Ведь если считать развитие психологической мысли непродуктивным без исторической преемственности, то не иметь так или иначе в виду эту работу, как и не иметь достаточно отрефлектированного отношения к ней невозможно.

Эта работа, как известно, посвящена историко-критическому обоснованию необходимости новой *интегративной* для сферы психологического знания дисциплины — «общей» психологии. Ее логико-эпистемологический статус он определял как статус «философии специальных дисциплин» или «методологии», способной стать связующим звеном между философией и конкретно-психологическими дисциплинами. В соответствии с духом времени и личной убежденностью полагая, что это должна быть одновременно «теория психологического материализма или диалектика психологии»⁷.

При всей неизбежной исторической ограниченности содержания этой работы многое в ней, на наш взгляд, остается актуальным и до сегодняшнего дня. Для нас здесь в первую очередь важно обратиться

⁶ Работы поучительной не только своим глубоким и разнообразным содержанием, но и исторической судьбой — как известно, будучи написана в 1927 г., за пределами узкого круга его учеников она стала известной только в 1982 г. И если для самого Л.С. Выготского она, очевидно, стала основанием и прологом создания программы его «культурно-исторической психологии», то на советскую психологию она, по сути дела, никакого прямого влияния не оказала. Тогда, естественно, не оказала по обстоятельствам достаточно внешним. А вот почему не оказала значительного идейного влияния после своего второго рождения — действительно интересный вопрос, если вынести за скобку сами социокультурные условия жизни «советской психологии» тех лет.

⁷ Культурно-историческая теория психики и есть опыт практического воплощения «теории психологического материализма» по Л.С. Выготскому.

внимание на одно обстоятельство, связанное с самим подходом Л.С. Выготского к разработке идеи «общей» психологии, которое имеет прямое отношение к сегодняшнему кругу обсуждения этой извечной проблемы.

Это обстоятельство — выбор в качестве точки отсчета не онтологического, а гносеологического и даже логико-эпистемологического аспекта этой идеи. Базовой предпосылкой выступает не единая (пусть даже интенционально полагаемая) «природа психического», а то, что «тенденция отдельных дисциплин превратиться в общую науку и распространить влияние на соседние отрасли знания, возникает из потребности в объединении разнородных отраслей знания» [2, с. 386].

Приоритет этого аспекта проблемы формирования «общей» психологии тесно связан с выдвинутым им теоретико-методологическим принципом, согласно которому «научность» определяется только целью и средствами, и поэтому «науки классифицируются и обозначаются не по объекту их изучения, а по принципам и целям изучения» [2, с. 429]. Отсюда и движение его рассуждений к объекту от знания, а не наоборот, ибо для него, как для теоретика и методолога психологии, было хорошо известно, что научные предметы *логически-первично* «конструируются» и лишь *логически-вторично* опредмечиваются и объективируются⁸. То есть единство объекта/предмета здесь не субстанционально, а функционально, оно есть средство обеспечения единства (целостности и непрерывности) отправления и развития самой деятельности, в ее чисто

познавательном или познавательно-педагогическом образовательном залогах⁹.

Характерно, что основополагающее свое методологическое исследование Л.С. Выготский начинает с констатации, что выдвижение на первый план проблемы создания «общей психологии», появление запросов к ней исходит не со стороны психологов-теоретиков (академических психологов), как можно было бы ожидать, а со стороны «психологов-практиков, разрабатывающих специальные области прикладной психологии, от психиатров и психотехников, представителей наиболее точной и конкретной части нашей науки» [2, с. 292]. С этим обстоятельством тесно связан и сам диагноз Л.С. Выготского, что «развитие прикладной психологии во всем ее объеме — главная движущая сила кризиса в его последней фазе» [2, с. 386]. Именно в развитии прикладных областей психологического знания он усматривал и актуальность, и необходимость, и неизбежность становления и развития «общей» психологии¹⁰. В столкновении требований со стороны практики и философии — в этом видел он сам смысл кризиса.

Вряд ли стоит сомневаться в том, что современный цикл обсуждения, связанный с выдвижением идей интегративной, системной, комплексной, синергичной и т.п. психологий, в немалой степени связан с бурным становлением широкого круга областей и направлений практической психологии. Вернее, с необходимостью их объединения, интеграции, хотя бы только потому, что они сами помещают

⁸ В этом плане позиция, ставящая во главу угла обратное движение — от объекта-предмета к знанию — представляется нам шагом назад. Ср.: «Интегративная психология является выражением стремления охватить все уровни, механизмы, качества и свойства психического» [8, с. 204].

⁹ Эти представления так или иначе взяты на вооружение и развиты в современных вариантах «деятельностного» подхода, осознанно противопоставляющего себя подходам «натуралистическим».

¹⁰ Свертывание в начале—середине 30-х гг. у нас в стране работ не только в области психотехники и педологии, но во многом и собственно психологии сделало прагматически «неактуальным» его анализ исторического смысла психологического кризиса.

себя в сферу психологии, позиционируют себя в ней, определяют и изменяя тем самым «по факту», эмпирически, ее состав и строение. Игнорировать этот «самострой» невозможно, и он должен быть либо «легализован», либо «снесен». И тот, и другой путь — это путь интеграции, даже если она проводится с помощью дифференциации.

Для Л.С. Выготского важно было, прежде чем объединиться, разделиться. Он, как известно, стремился рассечь и разделить сферу психологической работы, по крайней мере, надвое. Где одна из них — под эгидой «общей» психологии — должна была стать сферой научной (поначалу он настаивал — даже *естественно-научной*) психологии и собственно психологией, а другая — вместить то, что останется — «все, что ненаучно описывает психику, есть не психология, а нечто другое — все, что угодно: реклама, рецензия, хроника, беллетристика, лирика, философия, обывательщина, сплетня и еще тысяча разных вещей» [2, с. 435]. Причем в эту ненаучную непсихологию он отнес и «понимающую» психологию В. Дильтея и «эйдетическую» психологию Э. Гуссерля и т.д.

Другими словами, программа интеграции Л.С. Выготского предполагала суверенитет «общей» психологии над теми видами психологической работы, которые в том или ином отношении являются научно-исследовательскими. Поэтому и проблему метода психологии он обсуждал применительно к задачам, решение которых в ней намечены. В частности для него это была проблема «объективно-аналитического» метода конкретно-научного предметного познания в психологии, который он противопоставлял, с одной стороны, техническим приемам исследования, а с другой — феноменологическому умозрению и идеальному «вчувствованию». Для него это был поиск универсального научно-исследовательского инструмента и его программа — это программа

интеграции чисто научно-познавательной работы в сфере психологии. И как таковая она полностью сохранила свое значение. Но сводится, и должна ли всякая психологическая работа сводиться к *исследованию* как таковому? Очевидно, нет.

Озабочена ли интегративная психология (как замысел или проект) в таком случае объединением только научно-исследовательской деятельности, полагая, что достаточно интегрировать именно лишь исследовательскую деятельность в психологии, а все остальное будет за счет этого интегрировано само собой¹¹? Или она претендует на рефлексивную ассимиляцию всей сферы психологических знаний и замыслов, разных форм психологической практики, психологической работы? Ведь и основной социокультурный смысл своего исследования Л.С. Выготский в конечном счете связывал с постановкой перед собой и психологическим сообществом вопроса о такой перестройке современной ему психологической науки, чтобы она могла обеспечить запросы общественной практики XX в.¹²

Если же ориентироваться на понимание и представление психологии в качестве универсальной сферы мыследеятельности, то такого рода ответ может звучать совершенно иначе. Ведь эта сфера может далеко выходить за границы «научной»

¹¹ Ср. Мазилев В.А. Научная психология: тернистый путь к интеграции. (Труды Ярославского методологического семинара «Методология психологии». Т. 1. Ярославль, 2003).

¹² Его ответ на этот вопрос в концентрированном виде, как известно, звучал так: «Не Шекспир в понятиях, как для Дильтея, есть цель такой психологии, но психотехника — в одном слове, т.е. научная теория, которая привела бы к подчинению и овладению психикой, к искусственному управлению поведением» [2, с. 389]. Вряд ли он тогда мог предполагать, что не пройдет и десяти лет, как не только от «психотехники в одном слове», но и от самой советской психотехники останутся одни воспоминания, да и те постараятся «вытеснить».

психологии, как бы ее не понимать¹³. И хотя в наши, более либеральные времена, когда изменились представления и о «научности», и о смысле психологической работы, вряд ли кто-нибудь станет усомневаться право направлений психологической работы, связанных с именами В. Дильтея и Э. Гуссерля, числить себя по рангу психологии, по-прежнему необходим поиск ответов на вопросы *что, как и в каком качестве* собирается интегрировать интегральная психология.

От ответа на него тесно зависит само предметно-тематическое пространство обсуждения проблемы метода в психологии вообще, и в интегративной психологии в частности. Ибо метод есть прежде всего и по преимуществу организованность некоторого действованиа, и его определенность тесно зависит от того, с чем и для чего это самое действованиа предполагается осуществлять или уже осуществляется. И одно дело — проблема метода познания, научно-исследовательского действованиа в сфере психологии, другое — проблема метода в контексте действованиа, обеспечивающего существование и развитие всей этой сферы. В психологии как сфере мыследеятельности неизбежно существование многих разных взаимодополнительных и *не сводимых друг к другу* типологически разных методов, и каждый тип деятельности, включенный в эту сферу, использует или должен использовать те методы, которые соответствуют его идеальным целеполаганиям.

В этом случае необходим прежде всего поиск ответа на вопрос о том, какова та действительность, которую выделяет

и выражает психология, психологическая точка зрения по отношению к чувственному практическому опыту? Имеется в виду противопоставление *реальное—действительное*, в рамках которого «реальность» объемлет собой весь чувственный практический опыт человека во всей его полноте «здесь и теперь», а «действительность» объемлет собой лишь те стороны и аспекты этого опыта, которые можно в мышлении и деятельности объективировать в качестве самостоятельных сущностей, образующих относительно замкнутый, самодостаточный, внутренне упорядоченный и подчиненный определенной всеобщей и необходимой связи особый мир (хронотоп). Здесь действительность по отношению к реальности — суть частная, особая, упорядоченная, законосообразная реальность¹⁴.

Обычно, когда хотят в мыследеятельности дистанцировать действительности разного рода от реальности чувственного предметно-практического опыта, то говорят о реальности с соответствующим предикатом — т.е. о физической, биологической, социальной, языковой, психологической, художественной и т.п. реальности (т.е. действительность — это «существование как...», или «существование в качестве...»). Само же выделение и конституирование тех или иных действительностей, в отличие от реальности, ее «разложение» на действительности, обретает смысл именно в целях упорядочения, придания необходимого характера тем или иным связям и отношениям. В частности, именно таким путем в рамках

¹³ Например, вполне осмысленным является взгляд, что в своем предельном выражении как сфера мыследеятельности «психология — это не только совокупность каких-то научных дисциплин, а весь универсум человеческой жизнедеятельности, взятый в определенном повороте, в определенном ракурсе, с определенным техническим и практическим отношением» [19, с. 109].

¹⁴ Вообще говоря, существует несколько разных вариантов упорядочения категорий: *существование, бытие, действительность, реальность*. Более того, они различаются и терминологическим оформлением, когда, скажем, термины «реальность» и «действительность» оказываются в обратном отношении друг другу у разных авторов.

научно-познавательной деятельности решается задача интеграции, объединения тех или иных сторон человеческого опыта за счет подчинения их тем или иным «законам» той или иной науки. Но «законы» разных действительностей — это разные и не сводимые друг к другу «парциальные» законы. Образующие же чувственного практического опыта человека «принадлежат» сразу многим действительностям и тем самым как таковые всецело ни одной из них.

Если психология рассматривается в ряду других научных дисциплин, скажем, в качестве дисциплины естественно-научной, то «психическая реальность» по отношению к реальности чувственного предметно-практического опыта человека окажется хотя и особенной, как и всякая другая действительность, но лишь одной из действительностей, точно так же относящейся к первореальности, как и все другие (физическая, биологическая, языковая и т.д.), отчужденные и объективированные в ходе развития научного знания. Но вся история психологии демонстрирует противоречивость и неэффективность такой предметизации и явную несводимость «психологической» реальности к такого рода «психической». Психология, будучи де-факто меньшим по отношению к классическому естествознанию, всегда претендовала на большее, нежели чем просто быть одной из действительностей в ряду других. Традиционный «психологизм» — убедительная демонстрация этой тенденции, как к нему ни относиться по существу.

По сути дела, единственными психологическими теориями, всерьез стремившимися выделить такую действительность и наделить ее «законами», подобными законам естественных наук, были теории психологической атомистики, периферической активности психики (Г. Спенсер, И. Герbart и т.д.). Но уже

В. Вундт вынужден был отказаться от подобной попытки, хотя и не отказался от надежды такую действительность выделить¹⁵.

Характерно, что идею В. Вундта о том, что основанием для всех «наук о духе» должна быть *психология как учение о духовных процессах*, разделял и В. Дильтей. Психология, по замыслу В. Дильтея, должна была стать новым основанием «наук о духе», поскольку прежнее их «метафизическое» обоснование себя изжило и «эпоха метафизического обоснования наук о духе безвозвратно прошла». Эти его поиски нового, уже не «метафизического», а «опытного» основания, направлялись фундаментальной идеей, направлялись фундаментальной идеей, что если «науки о природе» основываются на «внешнем» опыте, то «науки о духе» — область опыта «внутреннего» и его истолкования. Этот принципиальный «психологизм» и определил то место, которое «понимание» и «герменевтика» (как особая техника понимания и интерпретации) заняли в его философско-психологическом и собственно психологическом воззрениях¹⁶.

Основу его психологизма составила, как известно, «данность» жизни во внутреннем опыте. Во «Введении в науки о духе» он констатировал, что исключительно во внутреннем опыте, в фактах сознания можно обнаружить прочную

¹⁵ В частности, стремясь утвердить особое положение психологии среди других «наук»: «На две главные области должно разделить и науки о духе. Первую из этих областей образуют науки о духовных процессах, вторую — науки о продуктах духа... Таким образом основанием всех наук о духе служит психология как учение о духовных процессах» [1, с. 152–153].

¹⁶ Ср. выраженную им суть своего психологизма: «Важнейшие составляющие нашего образа действительности и нашего познания ее, а именно: живое единство личности, внешний мир, индивиды вне нас, их жизнь во времени, их взаимодействие — все может быть объяснено исходя из этой целостности человеческой природы, которая в воле, ощущении и представлении лишь развертывает различные свои стороны» [5].

опору для своей мысли. Естественно, что в свете подобного априорного полагания всякая рациональность и рационализация в силу своей «не данности» в опыте внутренней жизни оказываются производными и вторичными, лишь гипотетической конструкцией¹⁷. Это всегда некий суррогат, сокращение и урезание переживания «полноты жизни».

Поэтому для В. Дильтея, как одного из основателей «философии жизни», непосредственная данность в переживании полноты жизни (которая «уже есть» у всякого человека до и помимо какого-либо о ней дискурса) есть одновременно то основание «описательной» психологии, которое заведомо выгодно, на его взгляд, отличает ее от любой «объяснительной» психологии с ее гипотетическим и конструктивным характером. По его глубокому убеждению, основанному на анализе предпосылок и состояния современной ему психологии, «если мы желаем достигнуть полного причинного познания, мы попадаем в туманное море гипотез, возможности проверки которых на психических фактах даже не предвидится» [6]. Кроме того, для него было очевидным, что в области психологии гипотезы не могут играть той же роли, какая им присуща в познании природы, потому что «природу мы *объясняем*, душевную жизнь мы *постигаем*».

Неудивительно поэтому, что не *объяснение*, а *понимание* предлагалось им

¹⁷ «Всякая наука начинается с опыта, а всякий опыт изначально связан с состоянием нашего сознания, внутри которого он обретает место, и обусловлен целостностью нашей природы. Мы именуем эту точку зрения — согласно которой невозможно выйти за рамки этой обусловленности, как бы глядеть без глаз или направить взор познания за самый глаз, — теоретико-познавательной; современная наука и не может допустить никакой другой.

...С этой точки зрения наш образ природы в целом оказывается простой тенью, которую отбрасывает скрытая от нас действительность, тогда как реальностью как она есть мы обладаем, наоборот, только в данных внутреннего опыта и в фактах сознания» [5].

в качестве основного средства и *метода* и самой психологии, и ее развития. А конечный смысл его усилий может быть понят как обоснование необходимости развития психологии на базе *герменевтики*, а не *логики* и утверждение установки на разработку герменевтики в ее относительной независимости от логики.

Есть и более банальные соображения об особом месте психологии среди других дисциплин. Ведь даже если ограничиться популярной формулой, согласно которой психика человека есть лично обусловленная форма отражения объективной реальности, то никоим образом невозможно отграничить и абстрагировать эту форму отражения (психику) от отражаемого (реальности). И тем самым «психологический фактор» неизбежно оказывается тем каналом, через который втягивается в любое «только психологическое исследование» весь мир, вся полнота человеческого бытия, а любая подлинная психология неизбежно стремится стать антропологической, стать своего рода антропологией, т.е. быть соразмерной человеку в целом.

Для психологии в ее антропологическом залоге важны два взаимосвязанных принципа — принцип историзма и принцип культуры. Суть принципа историзма лаконично выражена Б.Ф. Поршневым: «Историзм приводит к тезису: на заре истории человек по своим психическим характеристикам был не только не сходен с современным человеком, но и представлял его противоположность» [15]. Соответственно, и любой метод психологии, с этой точки зрения, должен иметь в виду эту историчность самой человеческой психики как особого и особенного бытия, не существующего вне процесса становления, развития.

С принципом культуры связана другая важнейшая конституциональная особенность психологии — полагание речи (речевой коммуникации) в качестве ядра

человеческой психики вообще, представляя, что в конечном счете вся психика человека базируется на его речевой функции. Идеальный мир культуры как динамическое пространство *самообразов* и *самообразов* человека, как специализированный социокультурный орган управления его развитием и человек как творец и порождение культуры — вот реальность, вне которой также невозможна психология в ее антропологическом залого.

Но это одновременно означает, что категориальный аппарат психологии (независимо от путей его формирования) как логико-онтологическая основа такого языка становится общим достоянием как самой психологии, так и ее «объекта». Речь идет о хорошо известном феномене: «обнаруживаемое» в себе человеком неминуемо появляется и в психологии, но и все, что «обнаруживает» в нем психология, неизбежно появляется и в самом человеке вне зависимости от истинности—ложности подобных обнаружений.

Поэтому гносеологическая установка в психологии (а вместе с ней и сама академическая психология как таковая) не самодостаточна, поскольку не отражает и не выражает действительного отношения этой психологии к реальности чувственного предметно-практического опыта человека. Или, другими словами, «вершинная» психология, в той мере в какой она соразмерна самому «феномену человека» (в смысле Тейяра де Шардена), не является только наукой (вернее не только и не столько наукой) в том традиционном (или даже нетрадиционном) понимании, которое восходит к галилеевым принципам построения знания на основе логико-когнитивных идеалов научной рациональности.

Она обречена становиться феноменом культуры, ответственным за самоидентификацию человека, обеспечивая ему духовную поддержку в условиях непрерывных экологических изменений

природной и культурной среды человеческой жизнедеятельности. Самой же познавательно ориентированной психологии подвластным оказываются только условия и процесс становления личности человека. Ибо в процессе исследования не только *наблюдатель* (в мыследействии), но и *личность* (в ее мыследействии) присваивают себе стороннего наблюдателя, превращая исследование в *общение*. В результате вырабатываемые в таком общении «знания» становятся источником самоизменения, личностного роста, а, следовательно, «объект изучения» оказывается как зависимым от знания о нем, так и всегда «иным» (объемлющим) в отношении полученного знания.

III

Если с точки зрения подобных соображений вернуться к обсуждению темы метода психологии, то можно задаться вопросом — в чем мог бы состоять инновационный смысл нового проекта интеграции психологии, в отличие от уже не раз предлагавшихся рецептов преодоления психологического кризиса? Одним из возможных ответов на него могло бы быть осмысление продуктивности его постановки не по отношению к научной психологии как таковой и даже вообще к психологии как науке, а уже по отношению к такой действительности, как «сфера психологии». Другими словами, этот новый взгляд на старую проблему мог бы состоять в полагании, что, хотя проблема интеграции возникает и ставится в «научной» психологии, в ней самой она не может быть решена, т.е. это по своему подлинному смыслу не проблема интеграции собственно научного предмета психологии¹⁸.

¹⁸ В качестве основания для подобного полагания может выступать хотя бы то, что само понятие «сферы мыследеятельности» было введено и разрабатывалось именно для решения проблем интеграции тех или иных видов предметного мышления и деятельности [20].

Ведь если от объекта-предмета психологии переместить фокус рассмотрения на нее саму как особый и специфический вид деятельности, то окажется, что ее смысл и назначение, как и всякой другой профессиональной работы, состоит не только и даже не столько в том, чтобы выработать предметные знания (необходимое, но не достаточное условие ее исторического существования), сколько в том, чтобы формировать и развивать культуру своей профессиональной работы, создавать и рефлексивно оформлять образцы профессиональной мыследеятельности. И наоборот, если выявление, оформление и развитие образцов профессиональной мыследеятельности оказывается делом стихийным, то сама возможность отстоять свою самостоятельность перед представителями других сфер окажется под большим вопросом.

В случае же смещения интереса от уровня психологии как научного предмета к уровню психологии как сферы, проблема интеграции может и должна обсуждаться уже не только и столько в отношении и на уровне *метода*, сколько в отношении *подхода*. Другими словами, проблема интеграции в этом случае требует смены рамки обсуждения психологические *предмет* – *метод*, на другую рамку – психологические *сфера* – *подход*. То есть в конечном счете речь идет об изменении категориального контекста, категориальных средств рассмотрения.

На первый взгляд может показаться, что тем самым решение проблемы интеграции просто смещается, не прибавляя ничего нового по существу самого ее содержания. Но это только на первый взгляд. Как показывает исторический опыт, фактически «все перевороты как в науках, так и во всемирной истории происходят от того, что дух в своем стремлении понять и услышать себя, обладать собой, менял свои категории и тем постигал себя подлиннее, глубже, интимнее и достигал большего

единства с собой» [4, с. 21]. В частности, если исходить из полагания, что подход – это всегда соорганизация «принципов» работы, а эта соорганизация категориально обеспечивается связкой, по крайней мере, принципов *метода*, *схематизации*, *представления* и *идеализации*, то в рамках психологического подхода можно упорядочить, сопоставить и противопоставить в его рамках, скажем, такие направления психологии, как бихевиоризм – психологии сознания по принципу *метода*; гештальтпсихологию – эмпирической по принципу *схематизации*; функциональную психологию – ассоцианизму по принципу *представления* и т.д. [7].

Собственно говоря, это лишь более рефлексивно адекватное выражение того, уже отмеченного выше, обстоятельства, что единство объекта-предмета не субстанционально, а функционально, оно есть средство обеспечения единства (целостности и непрерывности) отправления и развития самой деятельности в ее чисто познавательном или познавательно-преобразовательном залогах. То есть проблема интеграции это в первую очередь и по существу проблема единства, соцелостности психологической работы, психологического подхода, и лишь во вторую – ее объекта.

Проблема интеграции в этом случае выступает как проблема самоорганизации сферы психологии, психологической работы. А в этом случае на первом плане оказываются не проблемы объектно-ориентированного метода *исследования* или даже практико-предметного *преобразования* того или объекта, а проблемы *взаимопонимания* и *рефлексии*, взаимоотношения мышления, коммуникации и действительности в процессе кооперированной работы.

Собственно говоря, такая действительность, как «подход» и ориентация на него, не являются чем-то совершенно новым и внешним для психологии. Ведь то, что в истории современной философско-научной мысли получило название

«психологизм», и есть, собственно говоря, по своему смыслу и значению *психологический подход*. Но только это подход, сложившийся в значительной степени естественно и изначально приспособленный для употребления за пределами собственно психологии и в таком виде для нее самой неспецифически выраженный. Очевидно, разрешение проблемы интеграции требует *нового психологизма*, психологизма, направленного не вовне, а вовнутрь самой психологии, психологизма, сформированного для ее собственных нужд, требует своего рода имплюзии психологизма¹⁹.

Таким образом, проект и замысел интегративной психологии может быть понят и истолкован как замысел создания «нового психологизма» на основе психологизма традиционного, способного взять на себя функцию интеграции не других сфер мышления и деятельности, а самой психологии.

Литература

1. Вундт В. Психология народов. М.—СПб.: Эксмо, 2002.
2. Выготский Л.С. Сочинения. Т. 1. Педагогика. М., 1982.
3. Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 1. Мысль. М., 1974.
4. Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 2. Мысль. М., 1975.
5. Дильтей В. Введение в науки о духе: опыт полагания основ для изучения общества и истории // Собрание сочинений. Т. 1. М., 2000 // <http://elenakosilova.narod.ru/dilthey.htm>
6. Дильтей В. Описательная психология (1894). СПб., 1996 // <http://psylib.org.ua/books/alfav.htm>
7. Дубровский В.Я. Понятие «подход» // Симпозиум по понятию «подход». 1979 (Архив Г.П. Щедровицкого № 73).
8. Козлов В.В. Интегративная психология в поисках целостности // Труды Ярославского методологического семинара. Т. 1: Методология психологии. Ярославль: МАПН, 2003.
9. Копнин П.В. Метод. Философская энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1964.
10. Мазилев В.А. Научная психология: тернистый путь к интеграции // Труды Ярославского методологического семинара. Т. 1: Методология психологии. Ярославль: МАПН, 2003.
11. Микеладзе З.Н. Основоположения логики Аристотеля // Аристотель. Сочинения. Т. 2. М., 1978.
12. Овчинников Н.Ф. Методологические функции философии в естествознании // Материалистическая диалектика и методы естественных наук. М.: Наука, 1968.
13. Пископнель А.А. Научная концепция: структура, генезис. М.: Путь, 1999.
14. Пископнель А.А. Предмет психологии как методологический дискурс // Труды Ярославского методологического семинара. Т. 2: Предмет психологии. Ярославль: МАПН, 2003.
15. Поршнев Б.Ф. О начале человеческой истории (Проблемы палеопсихологии). М.: Мысль, 1974.
16. Спиноза Б. Избранные произведения. Т. 1. М.: ГИПЛ, 1957.
17. Токов А.А. Методологические основания комплексной психологии // Труды Ярославского методологического семинара. Т. 1: Методология психологии. Ярославль: МАПН, 2003.
18. Щедровицкий Г.П. Автоматизация проектирования и задачи развития проектной деятельности // Разработка и внедрение автоматизированных систем в проектировании (теория и методология). М., 1975.
19. Щедровицкий Г.П. Методологическая организация сферы психологии // Вопросы методологии. 1997. № 1—2.
20. Щедровицкий Г.П. Философия. Наука. Методология. М.: ШКП, 1997.

¹⁹ См. о методологическом принципе «нового психологизма»: [17].